

Дина Рубина
Этот чудной Алтухов

«ЭКСМО»

Рубина Д. И.

Этот чудной Алтухов / Д. И. Рубина — «Эксмо»,

ISBN 978-5-425-02153-3

ISBN 978-5-425-02153-3

© Рубина Д. И.

© Эксмо

Содержание

Дина Рубина	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Дина Рубина Этот чудной Алтухов

Когда-нибудь я обязательно опишу его. Раскрою толстую тетрадь в клетку, чуть-чуть отступлю от края и подумаю, с чего бы начать... Да, когда-нибудь я обязательно опишу его. И, безусловно, начну с глаз.

«Глаза у него были, – напишу я, – как у выжившего из ума декабриста». И это будет началом его портрета. А потом мне надоест писать, я отвернусь к окну, за которым будет надлежащее время года – зима или осень, а еще лучше лето, – и вспомню наш последний разговор (хотя разговором его вряд ли можно назвать, да мы, пожалуй, и вообще никогда не беседовали с ним, как нормальные люди).

...Это была пустая аудитория, та самая, с пианино у окна. Я сидела и переписывала вопросы к семинару. И вот тут заглянул мой обожаемый Алтухов.

Он был ужасный урод, самый настоящий обаятельный урод. Глаза у него были настолько широко поставлены, что находились ближе к вискам, чем к переносице. И казалось, природа предусматривала наличие третьего циклопического глаза, но потом забыла его ввинтить, и место теперь пустовало. Глаза были круглые, черные, как у встревоженного цыпленка. Ходил он ссутулившись, не спеша и слегка враскачку, отчего создавалось впечатление, что этому неприкаянному человеку абсолютно нечего делать и некуда деть себя...

– Здравствуй, Диночка! – сказал он и вошел. – Как дела? Давно мы с тобой не говорили...

– Да? А разве мы когда-нибудь вообще о чем-нибудь говорили? – спокойно спросила я.

– Слушай, слушай, я расскажу сейчас что-то интересное. – Он сел за пианино.

Я подошла и встала рядом. А он сидел, повернув голову к окну, и, легко аккомпанируя себе короткими аккордами, насвистывал какую-то песенку. Долго насвистывал.

– Ну? – наконец спросила я. – Внемлю. Ты, кажется, собирался что-то поведать мне.

– А? Чего? – рассеянно спросил он, перестав играть и недоуменно смотря на меня. Я молча улыбнулась.

– А, ну да! Вот послушай песенку... – И он, опять засвистев, отвернулся к окну, думая о чем-то своем.

Я обошла пианино и заглянула в глаза уроду Алтухову. И опять он мне напомнил сумасшедшего декабриста, который день и ночь стонал: «Погибла идея! Погибло дело!»

– Вот так тебя доконало это восстание на Сенатской площади, – сказала я.

Он кивнул, продолжая осторожно подбирать какие-то гармонии. Он всегда кивал, когда не слушал. Я думаю, это для того, чтобы ему не мешали думать...

Он был талантливый и смешной. На мой взгляд – редкое и милое сочетание. Я не могу сказать определенно, в чем выражался его талант. Он был очень музыкален, он был, как говорится среди музыкантов, слухачом. Но не это главное. Он принадлежал к той породе людей, которые способны мгновенно воплощать в слова и жесты все удачное и прекрасное, что мелькает в их воображении, воплощать метко и образно, не тратя времени на режиссуру. У него получалось все так легко и свободно, словно он долго репетировал. Алтухов изумительно владел своим телом, интонациями своего голоса, мышцами своего лица и мог моментально воспроизвести любой увиденный где-то жест или движение, любой услышанный разговор. Он изображал так, что мы все обалдевали. Он чертовски захватывающе рассказывал всякие небывлицы из своей жизни. И мы верили. И мы хохотали. И глядели на него восторженными, влюбленными глазами.

И вдруг он уходил. Он поднимал воротник своего синего плаща, брал под мышку футляр со скрипкой и уходил по узенькому тротуару прочь от консерватории, не появляясь в ней неделями.

О существовании Юрки я узнала в тот день, когда у нас пропала лекция по «Анализу музыкальных форм». Бог знает, из-за чего пропала – то ли преподаватель заболел, то ли очередное мероприятие на кафедре проводилось, – мы толком и не узнали. Алтухов как-то сразу заморочил мне голову, и мы от нечего делать пошли мотаться по магазинам.

Это было очень увлекательное путешествие. «Пойдем знакомиться с манекенами! – сказал Алтухов. – Заведем себе парочку друзей. Они прелесть, эти манекены, знаешь? Вежливые, милые, без претензий на духовное богатство». Я засмеялась.

В витрине магазина музыкальных инструментов стояла девушка-манекен со скрипкой. Шейка скрипки покоилась на ее раскрытой гипсовой ладонке, а удивленно приветливые гипсовые глаза созерцали пульт, на котором стоял перевернутый вверх ногами «Самоучитель игры на баяне». Манекен не был приспособлен для демонстрации музыкального инструмента и был похож на девушку, играющую в «стоп, замри!». Правая рука с нечеловечески длинными пальцами указывала на левую, и девушка как бы предлагала нам взглянуть и подивиться, что это за штуковину вставили ей между шеей и кистью левой руки.

– Слушай, слушай! – вдруг воскликнул Алтухов и остановился. – Как мне грустно от этой девушки! Почему? Наверное, потому, что мы с ней похожи. А знаешь чем? – Он засмеялся.

– Тем, что одинаково разбираетесь в скрипичном репертуаре! – съязвила я.

– Тем, что она успела сделать в жизни примерно столько же, сколько и я... – не обращая внимания на мой выпад, серьезно сказал он. – А ведь она существует гораздо меньше, а? – И задумался, поеживаясь от ветра и пряча подбородок в ворсистый коричневый шарф.

Мы обошли еще несколько магазинов, и вот тут я заметила, что его тянет в отдел игрушек. А меня туда почему-то не тянуло. Я с трудом затащила его в отдел верхней одежды и заставляла держать вешалки, пока примеряла всякие пальто...

Рядом со мной какая-то маленькая толстая женщина крутилась возле зеркала, пытаясь увидеть в нем свою спину, вернее, хлястик на спине. Ее светлые волосы были скручены желтой резинкой на затылке в пучочек, а зубы почему-то росли здорово вперед. Очень вперед. Признаться, я еще в жизни своей не видала женщину с такими короткими толстыми ногами и чтобы зубы у нее настолько росли вперед, что казались самым важным органом осязания.

Я аккуратно повесила пальто на вешалку, которую Алтухов держал, как робот, беспомощно оглядываясь в толпе женщин, и тихо сказала:

– Алтухович, знаешь, если бы у меня была такая внешность, я бы уже не покупала себе пальто. Я бы уже ничего не покупала.

– Ей холодно зимой, понимаешь... – ответил он.

– Но если ты когда-нибудь заметишь, что у меня стали такие ноги, убей меня, пожалуйста.

– Отстань, – сказал он и все-таки пробился в отдел игрушек.

Я бы могла спросить, для кого это он старается. Может быть, для племянника или какого-нибудь соседа. Но мы с ним вообще никогда не разговаривали нормально, поэтому я только кивнула в сторону пестрых коньков-каталок и сказала:

– Может быть, лошадку купишь?

– Да ну... – отозвался он, рассеянно оглядывая прилавок. – У Юрки и без этого столько лошадей, что он вполне может сколотить конармию.

На полпути к трамвайной остановке мы нашли на асфальте живую тепленькую летучую мышь. Алтухов держал ее на ладони, приподнимая то одно перепончатое крылышко, то другое, и что-то долго объяснял мне – наверное, объяснял, как можно летать при помощи

таких штук. А я все время смотрела на него и думала, что если бы старик Алтухов закрыл минут на пять один глаз, а другой оставил открытым, то он бы стал похож на слепого рапсода со звездой во лбу. То есть она сначала вроде бы сияла во лбу, а потом скатилась на висок под бровь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.